

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1891**

Выпуски 9-12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1891: Выпуски 9-12 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 674 с.

ISBN 978-5-458-39993-7

«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенева – историк, археолог, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенева издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенева подбирал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-39993-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

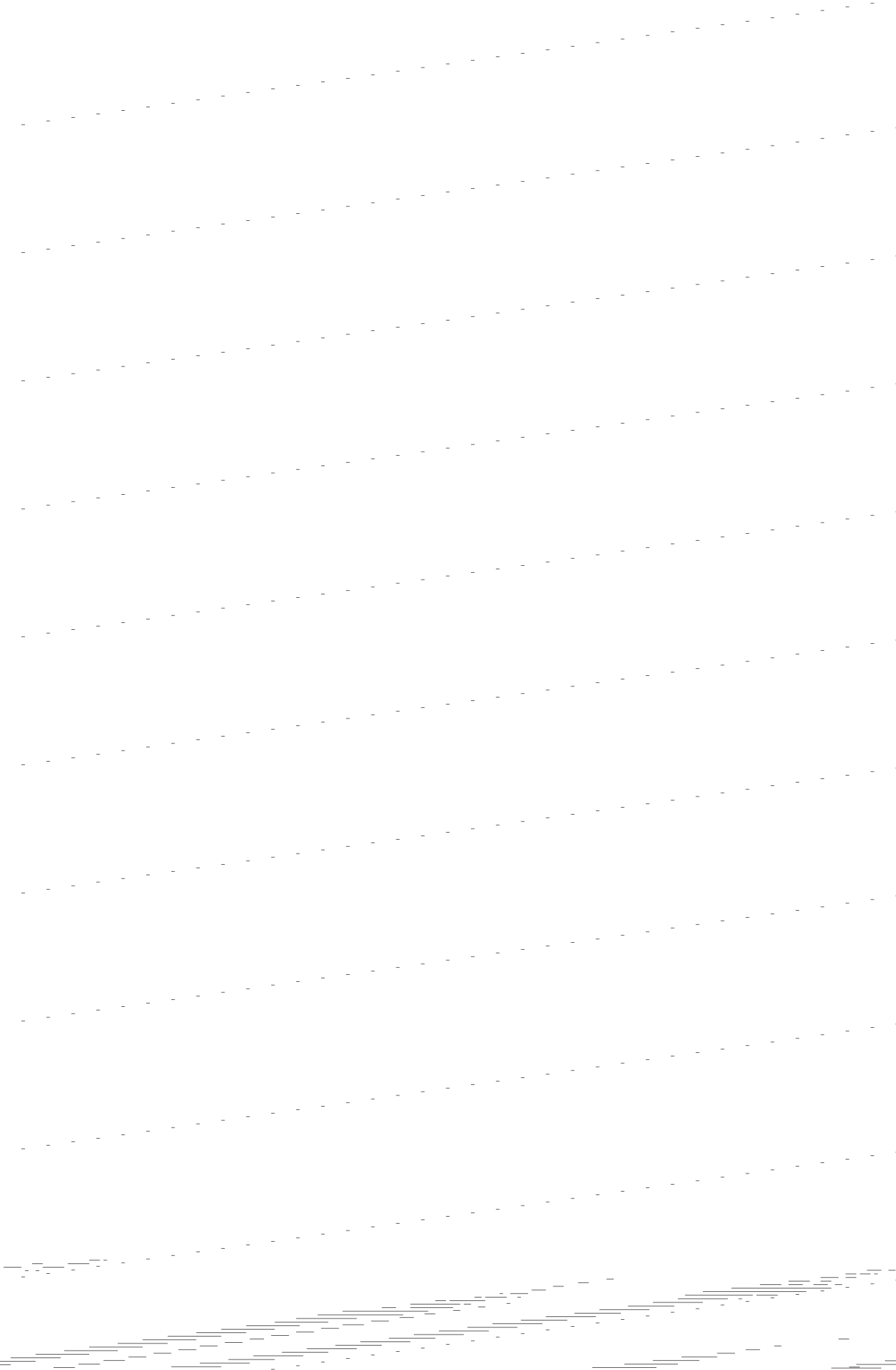
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Перепечатка бумагъ и статей изъ «РУССКАГО АРХИВА», какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ, не допускается безъ предварительнаго согласенія.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1827-й годъ.

Персидская война *).

12-го или 13-го Іюля пріѣхалъ въ Аббасъ-Абадъ генераль-лейтенантъ графъ Сухтеленъ, для исправленія должности начальника штаба. Объ ожиданіи его я имѣлъ уже прежде извѣстіе отъ Алексѣя Петровича, который при прощаніи со мною говорилъ, что Паскевичъ выписывалъ изъ Россіи человѣка въ сіе званіе; но онъ не зналъ, кто былъ сей человѣкъ, и Паскевичъ, какъ я могъ послѣ замѣтить, тщательно отъ меня тайлъ пріѣздъ его и сказалъ мнѣ объ ономъ только дня за два до его прибытія. Сухтеленъ пріѣхалъ и полагалъ найти должность гораздо легче чѣмъ она была; онъ думалъ, что ему оставалось только по картѣ располагать движеніями войскъ, и не имѣлъ понятія о внутреннемъ устройствѣ оныхъ, управленіи оными, о гошпиталяхъ, провіантѣ, транспортахъ, и вообще обо всемъ, что касается до хозяйственнаго распоряженія въ войскахъ.

Сухтеленъ, по видимому, былъ человѣкъ весьма добрый, обходительный, но никогда не служилъ и не разумѣлъ дѣла. Ему было совѣстно принять отъ меня должность; но онъ приступилъ къ сему самымъ вѣжливымъ образомъ и началъ разсматривать со мною бумаги у меня въ палаткѣ. Когда онъ увидѣлъ бездну, въ которую ему слѣдовало окунуться, онъ устранился и хотѣлъ было все сложить и оставить на меня, предоставляя себѣ только общія и главныя распоряженія, а мнѣ всю отвѣтственность. Нетрудно было и мнѣ замѣтить, что, при такомъ порядкѣ вещей, ему доставалась самая пріятная доля занятій, а

*) Печатаніе Записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго приостановлено было по разнымъ обстоятельствамъ, и между прочимъ вслѣдствіе неразборчивости рукописи. Записки велись по бѣглымъ ежедневнымъ отмѣткамъ, которыя на досугъ сводились въ связное изложеніе, а этого досуга такъ мало оставалось автору ввремя трудовой и боевой его жизни. То, что теперь печатается, начато въ лагерь при Гергеряхъ, 23 Октября 1829, слишкомъ черезъ два года послѣ событій). Предъидущее изложеніе читатели найдутъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1889, кн. XI, стр. 273. П. Б.

мнѣ только работа и неудовольствія, и потому я отдѣлывался ото всего и вводилъ его въ полное управленіе его обязанности. Наконецъ, ему не въ моготу становилось, и онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, что онъ на меня хочеть возложить всю хозяйственную часть. Я при семъ молчалъ и, исполняя только съ точностью приказанія его въ частныхъ распоряженіяхъ, достигъ до того, что сложилъ съ себя совершенно всякую отвѣтственность, не переставая однако быть съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Я тогда только отдохнулъ отъ непрерывныхъ трудовъ своихъ: ибо не находился болѣе въ прямыхъ сношеніяхъ съ Паскевичемъ, который скоро началъ дѣлать Сухтелену самыя оскорбительныя огорченія, оставляя меня уже въ сторонѣ. Упадокъ въ достоинствѣ мною занимаемомъ дотолѣ меня нисколько не огорчалъ, а напротивъ того радовалъ; ибо я помышлялъ только о томъ, чтобы отдѣлаться ото всего и возвратиться въ Россію съ семействомъ своимъ...

Паскевичъ всякой вечеръ собиралъ всѣхъ къ себѣ говорить о дѣлахъ. Тутъ проводили, какъ въ Тифлисѣ передъ выступленіемъ его, часть ночи въ совершенномъ бездѣйствіи, перенося только его оскорбленія.

Такъ мы проводили время свое въ нерѣшимости, что предпринять и къ чему приступить. Иные думали укрыться на время жаровъ въ Марандѣ, другіе около Урдабада. Сухтеленъ настаивалъ, чтобы отступить до начала осенней кампаніи въ Карабабу, что было при началѣ ущелья, по коему пролегали дороги въ Карабагъ, и тамъ укрѣпиться, и Паскевичъ утвердился на семъ послѣднемъ мнѣніи, хотя и съ неудовольствіемъ. Но тогда явилось новое обстоятельство. Внезапно пріѣхалъ къ нему отъ Аббасъ-Мирзы посланецъ Мирза-Сале, который подавалъ надежды на заключеніе мира. Предложенія еще не были извѣстны, а для поясненія оныхъ былъ отправленъ въ Персидскій лагерь къ Чорсу Грибоѣдовъ; но такъ какъ обратное движеніе въ Карабабу было уже рѣшено, то и не захотѣли отмѣнять онаго, а потому старались всячески скрыть намѣреніе сіе отъ Мирзы-Сале, который однакоже, кажется, провѣдалъ объ ономъ.

Для сего изобрѣтено непостижимое средство. Бенкендорфъ долженъ былъ проводить съ кавалеріею Грибоѣдова на нѣкоторое разстояніе за Араксъ, и въ тоже время пѣхота должна была отступать отъ Аббасъ-Абада къ Нахичевану, какъ будто бы первый отрядъ могъ скрыть движеніе втораго. Ребячье изобрѣтеніе сіе было приведено въ исполненіе и, разумѣется, безъ малѣйшаго успѣха; ибо кромѣ того, что отступление наше было уже напередъ извѣстно Персіянамъ, они имѣли свѣдѣнія и отъ лазутчиковъ. Подобное движеніе можетъ скрыться симъ

средствами на полѣ сраженія, въ дыму, и то не болѣе одного часа; но скрыть оное на цѣлыхъ переходахъ, въ открытыхъ мѣстахъ, и скрывать оное нѣсколько дней, есть мысль, которая могла придти только въ голову Паскевича. Въ тоже самое время ген.-л. князь Вадбольскій былъ посланъ съ Тифлискимъ полкомъ и частью казаковъ къ Урдабаду, дабы водворить тамъ Эхсенъ-хана или брата его въ управленіи. Урдабадъ лежитъ на лѣвомъ берегу Аракса, ниже Аббасъ-Абада. Городъ сей окруженъ плодовитыми садами и имѣеть, какъ я слышалъ, небольшой замокъ. Князь Вадбольскій, возвращаясь изъ Урдабада, присоединился къ главному отряду, прошедшему уже Нахичеванъ и шедшему къ Карабабѣ.

Около того же времени была открыта генер. штаба шт.-капитаномъ Коцебу крѣпость Алынджа, о коей не имѣли никакого свѣдѣнія, хотя она и находилась очень близко. Крѣпость сія состоитъ изъ нѣсколькихъ стѣнокъ, перерѣзывающихъ ущелины въ отвѣсной почти со всѣхъ сторонъ каменной горѣ, называемой Иланъ-дагъ. Непрístupная скала сія находится при рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Араксъ.

Карабаба, къ коей мы тянулись, находится верстахъ въ 35-ти отъ Нахичевана по направленію къ Карабагу. Карабаба есть небольшой замокъ съ деревнею, въ ущельѣ, имѣющемъ въ семь мѣстъ около 3-хъ верстъ ширины. Тутъ Сухтеленъ настоялъ, чтобы былъ сдѣланъ укрѣпленный лагерь. Построили нѣсколько редутовъ, чтò, кажется, не совсѣмъ было согласно съ мыслями Паскевича, и въ чемъ послѣдній, кажется, былъ правъ: ибо нельзя было ожидать, чтобы Персіяне насъ атаковали. Да кромѣ того мы не занимали прочнаго лагеря по неудобству его; ибо какъ климатъ, такъ и всякаго рода недостатки способствовали къ уменьшенію силъ нашихъ. За переходъ до прибытія нашего въ Карабабу, пріѣхалъ къ намъ Сипягинъ, коего главная забота состояла въ доставленіи изъ Грузіи къ намъ продовольствія; для сего надлежало транспортамъ нашимъ переходить высокую цѣпь Салвартскихъ горъ, по коей только что проложили весьма неудобную дорогу, безъ всякаго осмотра мѣстоположенія, а потому немедленно приступили къ обработыванію другой дороги черезъ Акъ-караванъ-сарай, на чемъ также Сухтеленъ настоялъ. Дорогу сію кончили послѣ большихъ трудовъ тогда уже, когда войска выступили изъ Карабабы впередъ.

Сипягинъ побылъ нѣсколько дней въ лагерь и немедленно возвратился въ Грузію для своихъ распоряженій. Справедливо, что онъ приложилъ къ дѣлу сему неусыпную дѣятельность и съ нѣкоторымъ успѣхомъ уничтожилъ всѣ средства Карабага.

Отрядъ генерала Панкратьева находился въ Карабабѣ. Князь Абхазовъ считался при немъ въ должности начальника штаба, управ-

ляя Карабагомъ. Панкратьевъ долженъ былъ удержать Карабагъ отъ вторженія Курдовъ, жившихъ противъ него на правомъ берегу рѣки, частыми нападеніями причинявшихъ большой вредъ проѣзжимъ, а иногда и подвозамъ. Баталіоны отряда Панкратьева были очень слабы, разбиты по обширной линіи, и кромѣ того онъ прикрывалъ транспортировку провіанта отъ Зердаба, что на Куръ, до Карабабы. Войска его были разставлены по постамъ въ самыхъ гибельныхъ мѣстахъ для здоровья, такъ что въ селеніи Агджибетъ изъ 3-хъ ротъ 42-го егерскаго полка едва ли оставалось 100 человекъ для службы, и смертность была непомѣрная, равно какъ и въ Сальянахъ; но на сіе не хотѣли и обращать вниманія.

У насъ пѣхота расположилась около Карабабы, какой полкъ гдѣ попалъ: драгуны заняли горы, а уланскую всю дивизію собрали къ Базарчаю за горою. Тутъ показалась у насъ ужасная смертность: половина людей была больныхъ, другая же половина, слабая, истощенная. Больныхъ отправляли по 300, по 500 на транспортныхъ арбахъ въ Гѣрюсы, верстъ съ 80 отъ Карабабы за горами. Тамъ воображали себѣ, что былъ госпиталь; ибо Паскевичъ называлъ госпиталемъ то мѣсто, гдѣ находились больные, никакъ не соображая надобности оныхъ, пищу, аптеку, платье, чиновниковъ и, казалось, что онъ не постигалъ, чтобы госпиталь могъ существовать безъ больныхъ. Отправленія сіи превышали все, что можно себѣ вообразить: несчастныхъ клали на арбы, безъ всякихъ средствъ и помощи. Отъ неясности отдаваемыхъ приказаній случалось, что они по цѣлымъ суткамъ ждали конвоя или самаго отправленія, а иногда и двое сутокъ: ибо никто не имѣлъ ни до кого доступа съ испрошеніемъ разрѣшенія на счетъ предметовъ до службы касающихся. Изъ 500 больныхъ, въ трудный переѣздъ сей черезъ горы, на коихъ бывалъ и дождь, и морозъ, умирало иногда до 80 человекъ. Ихъ зарывали на дорогѣ; остальныхъ сваливали въ Гѣрюсы, и рѣдкій кто выздоравливалъ тамъ: вся забота мѣстнаго начальства состояла только въ томъ, чтобы рыть ямы, въ коихъ зарывали десятками умершихъ.

Въ концѣ Іюля возвратился Грибоѣдовъ отъ Аббасъ-Мирзы. Онъ говорилъ, что переговоры пошли было очень хорошо, но что вскорѣ Персіяне узнали о нашемъ обратномъ движеніи и, сочтя сіе за отступление по слабости нашей, они перемѣнили рѣчь и уже не согласились на предлагаемыя имъ условія и, кажется, уступали намъ только одну Башъ-Абаранъ. Казалось въ самомъ дѣлѣ, что переговоры о мирѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отступление при различныхъ требованіяхъ нашихъ были несовмѣстны. Кажется также, что Грибоѣдовъ въ семь случаевъ дѣйствовалъ съ надлежащею твердостью и говорилъ съ Персіянами съ

прилично ему и въ тѣхъ обстоятельствахъ дерзостью, но безъ успѣха. Съ нимъ прїѣзжалъ также опять къ намъ Мирза-Сале; но его не допустили до лагерьа, а остановили на аванпостахъ, гдѣ дали ему отвѣтъ и отпустили назадъ. И тѣмъ кончились всѣ надежды наши видѣть миръ.

Эхсенъ-ханъ, остававшійся въ Урдабадѣ, внезапно доставилъ извѣстіе Паскевичу, что дядя его Керимъ-ханъ подходитъ къ Урдабаду, дабы его схватить, и просилъ помощи. Вскорѣ далъ онъ извѣстіе, что окруженъ большими силами и что, не имѣя воды, ожидаетъ только мучительной смерти отъ дяди своего, питающаго къ нему ужасную месть; ибо остатки Нахичеванскаго баталіона, находившіеся при немъ, разбѣжались, и онъ оставался одинъ только со своими слугами, въ безводномъ замкѣ.

Сколько ни старались уговорить Паскевича, чтобы онъ помогъ Эхсенъ-хану, человѣку всѣмъ пожертвовавшему для насъ и доставившему намъ столь важное пріобрѣтеніе какъ Аббасъ-Абадъ; но онъ упорствовалъ въ намѣреніи не подавать Эхсенъ-хану никакой помощи, отвѣтствуя, что есть случаи, въ коихъ должно оставить союзника своего, дабы самому не подвергаться опасности. Смертность и безпорядки въ войскахъ, отказъ въ мирѣ, совершенно смутили Паскевича: онъ совершенно не зналъ за что приняться и потерялъ совсѣмъ присутствіе духа. Наконецъ, по настоятельному требованію Сухтелена, Паскевичъ позволилъ ему послать къ Эхсенъ-хану на выручку 2-й баталіонъ Грузинскаго полка, который и отправился безъ орудій въ числѣ 500 человѣкъ.

Князь Абхазовъ, совершенно сбитый съ толку повторенными прижимками съ требованіемъ провіанта (ибо повелѣнія сіи не имѣли ни связи, ни смысла и одно другому противорѣчили), вынужденъ былъ изложить въ рапортѣ своемъ всѣ затрудненія, которыя онъ встрѣчалъ въ исполненіи требованій начальства. Въ донесеніи семъ изложилъ онъ самымъ обстоятельнымъ образомъ состояніе, въ которое приведены были подвѣдомственные ему области непомѣрными требованіями подводъ и провіанта, и наконецъ предупредилъ, что, при такомъ ходѣ дѣлъ, предположеніе о снабженіи войскъ продовольствіемъ изъ Карабага не будетъ имѣть успѣха. И въ самомъ дѣлѣ, транспорты наши, которые ходили за провіантомъ, возвращались только въ половинномъ числѣ, какъ равно и тѣ транспорты, которые князь Абхазовъ формировалъ въ Карабагѣ и присылалъ къ намъ; ибо Сухтеленъ боялся какъ будто вмѣшаться къ хозяйственное управленіе войскъ, требовавшее слишкомъ сложныхъ заботъ. И такъ мы потеряли, кромѣ множества людей и строевыхъ лошадей, большую половину транспортнаго скота, казенныхъ погонщиковъ и почти всѣхъ безъ исключенія

вьючныхъ верблюдовъ. По сдѣланной тогда смѣтѣ четверть хлѣба съ доставкою въ Карабабу обходилась казнѣ 20 рублей серебромъ или 80 рублей ассигнаціями.

Рапортъ князя Абхазова былъ написанъ съ удивительною точностью и ясностью и излагалъ ясно сіи столь запутанныя обстоятельства. Я послѣ того спрашивалъ адъютанта его, кто писалъ рапортъ сей и, узнавъ, что онъ былъ написанъ собственно Абхазовымъ, возымѣлъ о способностяхъ его весьма хорошее понятіе, въ чемъ до того времени я не былъ совершенно увѣренъ.

Рапортъ сей былъ прочтенъ Паскевичемъ безъ всякаго вниманія. 1-го числа Августа онъ поѣхалъ въ Гѣрюсы, дабы ускорить присутвіемъ своимъ, какъ онъ полагалъ, доставку въ войска хлѣба; ибо онъ всѣхъ подозрѣвалъ въ недѣятельности или плутовствѣ, тогда какъ плутовство происходило подъ глазами его въ главной квартирѣ отъ комисіонеровъ, наживавшихся непомярно въ беспорядкахъ имъ допускаемыхъ или, вѣрнѣе сказать, даже производимыхъ. Въ поѣздку сію взялъ онъ съ собою только меня и Грибоѣдова, надѣясь меня снова ввести въ управленіе хозяйственной частью войскъ; но я уже видѣлъ, что разстройство было слишкомъ велико, а потому и уклонился отъ сего, предоставивъ себѣ только строгое исполненіе его частныхъ приказаній.

2-го Августа мы прибыли въ Гѣрюсы. Гѣрюсы лежатъ въ преглубокомъ оврагѣ; спускъ со стороны Нахичевана къ сему мѣсту и подъемъ на Шушинскую дорогу представляютъ самыя большія затрудненія для движенія тяжестей. Долина сія, казалось, не должна быть вредна для здоровья людей, и я увѣрился, что смертность происходила единственно отъ дурныхъ мѣръ или, лучше сказать, отъ недостатка въ мѣрахъ принятыхъ начальствомъ.

Селеніе Гѣрюсы (сдѣлавшееся знаменитымъ съ прошлаго года бѣдственнымъ отступленіемъ изъ онаго подполковника Назимки съ баталіономъ 42-го егерскаго полка, погибшимъ на пути къ Шушѣ при нападеніи Персіанъ), лежитъ на лѣвомъ берегу рѣчки, протекающей по сей долині, и замѣчательно тѣмъ, что оно окружено остроконечными небольшими скалами, которыя столь правильны, что съ перваго взгляда многія изъ сихъ скалъ можно принять за искусственныя. Въ скалахъ сихъ есть пещеры высѣченныя уже людьми, вѣроятно съ весьма давнихъ временъ и, кажется, служившія нѣкогда убѣжищемъ для жителей.

Гошпиталя мы не нашли въ Гѣрюсахъ, а нашли брошенныя разоренныя казармы 42-го егерскаго баталіона, въ коихъ сваливали безъ разбора всѣхъ привозимыхъ больныхъ. Паскевичъ вообразилъ себѣ, что устроилъ сію часть, когда онъ выдалъ нѣсколько червонцевъ маіору

Лузанову, исправлявшему въ Гёрюсахъ должность коменданта, и приказалъ отуустить нѣсколько котловъ больнымъ; не менѣе того, средствъ для содержанія ихъ не было никакихъ. Видя положеніе сихъ несчастныхъ больныхъ, я, по возвращеніи въ Карабабу, предложилъ Паскевичу снабдить нашего корпуснаго доктора Зубова открытымъ листомъ, съ позволеніемъ требовать вездѣ, что ни разсудитъ за благо для учрежденія въ Гёрюсахъ гошпиталя, что и было исполнено, и вмѣстѣ еще съ тѣмъ даны предписанія ко всѣмъ мѣстнымъ начальникамъ на счетъ сего же. Вслѣдствіе сихъ распоряженій гошпиталь сей въ Гёрюсахъ устроился кое-какъ въ половинѣ Августа.

Съ прибытіемъ въ Гёрюсы, Паскевичъ призвалъ магальнаго бека, разбранилъ его и началъ торговать самъ хлѣбъ и скоть, посылая своихъ переводчиковъ для собиранія онаго. Магальный или уѣздный бекъ былъ занятъ сборомъ хлѣба по сдѣланной общей раскладкѣ, но обѣщаль Паскевичу доставить провіанта на покупку, каковымъ успѣхомъ Паскевичъ и хвалился; но, кажется, что хлѣбъ сей, обѣщанный изъ одного страха, былъ тотъ самый, который долженъ былъ получиться по раскладкѣ и что покупка сія осталась только на однихъ словахъ. Скота было нѣсколько закуплено по ужасно дорогимъ цѣнамъ, причемъ переводчики весьма порядочно нажились; но при такомъ порядкѣ вещей, могъ ли быть какой-либо успѣхъ? Сердась за медленность, Паскевичъ не переставалъ писать предписанія къ Абхазову и требовалъ то 5000, то 6000, то 500 четвертей хлѣба въ самое короткое время, какъ будто бы о затрудненіяхъ и не было извѣстно. Предписанія сіи одни другимъ противорѣчили, и Абхазовъ рѣшился уже болѣе не обращать на нихъ вниманія, а продолжать безъ развлеченія занятія свои о продовольствіи войскъ по прежнимъ распоряженіямъ. Я былъ въ семъ случаѣ исполнителемъ, молчалъ, передавалъ приказанія и писалъ то, что Паскевичъ приказывалъ. Хладнокровіе мое и равнодушіе сводили его съ ума, но я не подавалъ ему ни малѣйшаго повода обвинять меня. Проведя такимъ образомъ три дня въ Гёрюсахъ, онъ выѣхалъ оттуда обратно въ Карабабу, весьма недовольный и неудовольствіе сіе изливалъ на меня; между прочимъ однажды за то, что, получивъ изъ дома письма, я на переходѣ нѣсколько отсталъ отъ него, дабы прочесть сіи письма.

Въ день выѣзда мы прибыли въ лагерь уланъ, на рѣку Базарчай, гдѣ я остался ночевать въ квартирѣ князя Чавчавадзева, находившагося въ то время въ Шушѣ по своей надобности. Изъ Базарчая Паскевичъ поѣхалъ впередъ, желая осмотрѣть новую дорогу черезъ Акъ-караванъ-сарай, по коей поѣхалъ на другой день и нашелъ ее удобнѣе первой. Акъ-караванъ-сарай есть пещера, высѣченная въ боль-

шомъ камнѣ бѣлаго цвѣта, находящемся на самой почти вершинѣ горы; мѣсто сіе служитъ убѣжищемъ для прїѣзжающихъ во время зимы, когда настагаютъ ихъ мятели на сихъ возвышенныхъ мѣстахъ, и такъ какъ къ пещерамъ принадлежатъ и рассказы, то о сей говорятъ, что она высѣчена какою-то дѣвицею, которой странныя приключенія я забылъ. За караванъ-сараемъ симъ нашелъ я лагерь піонернаго полковника Евреинова, который занимался обработываніемъ дороги, и отъ него я уже возвратился въ Карабабу.

Вскорѣ далъ мнѣ Паскевичъ порученіе осмотрѣть луга, на коихъ бы можно было пасти порціонный и транспортный скоть. Онъ сіе сдѣлалъ потому, что скоть сейдохъ безъ числа, и что онъ меня полагалъ принявшимъ за хозяйственную часть войскъ; онъ назначилъ меня только членомъ комисіи, на сей предметъ имъ наряженной, въ которой находились карабинернаго полка маіоръ Мартыновъ и адъютантъ его Бологовской. Я дождался предписанія и, объѣздивъ мѣста по горамъ, возвратился черезъ три дня съ отвѣтомъ, который былъ достаточенъ, чтобъ меня очистить въ точномъ исполненіи порученности, на меня возложенной, что я и исполнилъ какъ слѣдовало; но такъ какъ распоряженіе было сдѣлано такимъ образомъ, что оно ни къ чему не клонило, то и послѣдствія исполненія сего ни къ чему не привели путному.

Передъ тѣмъ было на меня возложено еще одно дѣло, которое мнѣ удалось сверхъ чаянія моего кончить довольно успѣшно. Паскевичъ въ разговорахъ напалъ опять нечаянно на мысль о завоеваніи Астрабада и, желая знать въ подробности средствъ, которыя мы имѣли для сей экспедиціи на Каспійскомъ морѣ, онъ вздумалъ послать Бурцова для дознанія средствъ слыхъ. Мысль его и назначеніе были довольно, и даже очень, удачны. Надобно было снабдить Бурцова наставленіями и свѣдѣніями обо всѣхъ поискахъ нашихъ съ того времени въ той сторонѣ, дабы не начинать ему съизнова и указать по крайней мѣрѣ книги или описанія, изъ коихъ онъ бы могъ почерпнуть нужныя свѣдѣнія. Я занялся очень прилежно и въ три дня составилъ подробную записку о всѣхъ поискахъ, предпринятыхъ нашимъ правительствомъ на Каспійскомъ морѣ, со времени Петра Великаго. Память въ семъ случаѣ неожиданнымъ образомъ помогла мнѣ, и я припомнилъ всѣ экспедиціи Русскихъ по берегамъ Каспійскаго моря, изложилъ оныя и послѣдствія оныхъ на бумагѣ и представилъ сію записку Паскевичу, который передалъ ее Бурцову.

Бурцовъ отправился изъ Карабабы въ тотъ день, какъ мы туда возвращались изъ Гѣрюсъ; я его встрѣтилъ верстахъ въ четырехъ, не доѣзжая Карабабы. Онъ былъ очень тронутъ, беспокоился много на